

Дан Берг

Божинский Франкенштейн

Глава 1 Проклятие необратимости

1

Среди многих важных черт противостояния человека с внешним миром отметим две, которые будут затронуты нами в предстоящем рассказе. Это, во-первых, страсть к созданию нового, и, во-вторых, порыв к улучшению старого. Какие пружины движут волей пионеров новизны? Различные. Например, жажда познания ради него самого. Или вожделение пользы какого-либо рода. Это может быть честолюбие, любопытство, бегство от скуки, да и мало ли что еще – всего и не перечислишь: первопроходцев много, а побуждений и того больше.

Герой нашей повести, хасид Шломо, был одержим идеей избавить раскаявшихся грешников от проклятия необратимости. Смолоду поселился в его душе протест против невозможности искупить искренним покаянием преступление прошлого.

Сколь чистосердечным ни было бы сокрушение о былом деянии, горе или совесть до самой смерти будут грызть болящую душу. В земной своей юдоли никогда не сможет вернуться человек к безмятежной догрешной жизни, ибо время необратимо.

Когда же приключилось у самого Шломо несчастье, в котором он винил только себя, тлевший в душе протест превратился в необоримое желание создать некую не сотворенную Богом сущность, наделенную способностью возвращать каявшемуся человеку внутреннее равновесие, куда текут его дни на земле.

Нет ничего труднее, чем не обманывать самого себя. Однако не внушение и не сладкая ложь страдальцу должны были стать инструментами задуманной Шломо сущности, но реальный поворот событий вспять.

Божинский хасид Шломо добивался не столько создания чего-то нового, сколько исправления и улучшения старого. Он хотел наделить человеческую душу, болящую от горя, способностью вернуться к вожделенному покою. В отличие от нашего хасида, знаменитый его швейцарский предтеча, естествоиспытатель Виктор Франкенштейн стремился во что бы то ни стало создать нечто небывалое, а именно, человекоподобное живое существо. Общее же в деяниях увлеченных замыслом храбрецов – это дерзкое присвоение прерогативы Творца.

Хасид был осведомлен об открытии европейца. Шломо гордился различием намерений – он творил ради пользы, а Франкенштейном двигало то ли честолюбие, то ли любопытство. Оба изобретенных детища потерпели фиаско, но успели натворить немало бед. Судьба не пощадила Виктора, но смилостивилась над Шломо.

2

Автор начнет свой рассказ с повторения банального и всем хорошо известного факта – на реке Днепр стоит скромный город Божин. Тривиальность не может быть лишней, если она составляет реальный фон картины событий, которые вот-вот возникнут пред оком читателя.

Божин невелик. Значительную долю от числа его обитателей составляют хасиды, ведомые по путям праведности цади́ком раби Яковом. Бородачи эти – народ всё больше бедный и, чего греха таить, не слишком образованный. Безграмотных среди них, Боже сохрани, нет, однако и неугомонных мыслителей, жаждущих знаний, – раз, два и обчелся. Такие люди выделяются из массы – в умах потомков они оставляют след, а в анналах городской истории веками неприкосновенным хранится их наследие.

Большинство хасидов – люди простой веры. Поэтому на исходе каждой субботы они собираются за обширным столом гостеприимного дома своего наставника и слушают и рассказывают бесконечные сказки и истории, все больше нравоучительного свойства.

Самого раби Якова навряд ли можно отнести к категории мыслителей, неустанно добывающих истину, ибо он рядовой мудрец, который не ищет новизны в уже найденном, а, вернее, установленном свыше. Он не без основания полагает, что ничего нельзя сказать такого, что не было бы сказано раньше. Цадик, разумеется, куда как начитаннее своих хасидов, но при этом почителен к ним, вежлив и доступен. Не диво, что паства любит своего раби за советы к месту и за необходимые наставления, за добрый нрав и за искреннее гостеприимство, за занимательные рассказы и за незатейливый слог.

Среди постоянных гостей раби Якова мы всегда увидим двух людей особого склада – нашего доброго знакомого Шломо и его молодого товарища Шмулика. Почему мы выделяем из общего ряда этих двух хасидов? Дело в том, что Господь наделил их особенно глубоким умом и незаурядными способностями к проникновению в суть вещей. Оба весьма превосходят прочих обывателей Божина не только наличествующим умственным багажом, но и тягой к его пополнению. Пожалуй, справедливо будет утверждать, что и Шломо, и Шмулик бескорыстно стремятся к созданию новых творений духа. Однако они не задирают носа. Другие хасиды не питают к ним тайной враждебности, каковой обычно устаиваются умники, и это лучшее доказательство успешной скромности друзей.

Скажем несколько слов о Шмулике. Этот парень наделен талантом запоминать множество цифр, а также манипулировать ими, производя вычисления. Поэтому он преуспел в бухгалтерии и один заменил нескольких счетоводов. Пытливый ум и богатая фантазия Шмулика порой заводят его очень далеко и высоко. Он может легко вообразить себе жизнь на небесных звездах, и готов сам полететь в иные миры, дабы добыть полезные сведения для людей земли. Мы еще не раз вернемся к Шмулику. Он будет выступать в роли слушателя, собеседника и оппонента своего старшего друга.

3

Биография Шломо не так проста, как жизненный путь большинства хасидов Божина. Они все бедняки, тяжкими трудами добывающие себе хлеб насущный. Шломо родился в состоятельной семье. Отец и мать отрока умерли безвременно, и сын получил очень неплохое наследство. Состояние избавило его от необходимости вести ежедневный бой за каждый кусок, но чувствовал ли он себя счастливее своих неимущих земляков – утверждать не беремся.

Пройдя курс талмудических наук в родном городке, сперва в хедере, а потом в доме учения для хасидов, юный Шломо задумал продолжить образование за тесными пределами милого Божина, вдохнуть густой воздух большого мира. Так он и поступил, благо, было чем платить.

Шломо несколько лет провел в Европе, узнал, увидел, услышал и понял весьма много. Однако он не соблазнился блеском европейских просвещенцев, вернулся на родину, примкнул к простым божинским хасидам и, наравне с прочими, проникся любовью к цадику раби Якову.

По возвращении в Божин образованный Шломо женился. Хасиды славно погуляли на чудесной свадьбе и долго еще вспоминали щедрое угощение, обильную выпивку и красивые застольные речи. Раби Яков провозглашал один за другим красноречивые тосты в честь своего любимца и его невесты.

В спутницы жизни Шломо избрал себе уроженку соседнего города девушку Рут. Достоянная, любящая пара. “Я полюбила Шломо, чтоб везде быть вместе с ним”, – сказала невеста. “Рут полюбилась мне умом своим”, – заявил жених. Оба были правы: молодая жена ничуть не уступала мужу здравомыслием, и, как показали прожитые вместе годы, прикипела к нему всей своей душой.

Хасиды охотно льстили Шломо, говоря, что супруга его выше любых похвал, и он вытянул счастливый билет. Рут пользовалась исключительным уважением в добропорядочном обществе Божина, но существовал недостаток, умалявший ее достоинства – она родилась женщиной. Это обстоятельство мешало благоверным иудеям признать ее равным себе существом. Шломо был единственным среди хасидской братии, кто не придерживался стародавнего и стойкого воззрения своей веры на ущербность женской расы.

Господь не благодетельствовал супругов многочисленным потомством, и только один сын родился в семье. Мать утверждала, что отец не просто любил, но обожал малое дитя. А Шломо не говорил подобного о материнских чувствах Рут. Мальчик рос смышленным, опережал сверстников познаниями. Шломо и Рут с энтузиазмом пестовали и развивали отпрыска. Отец с матерью втайне гордились перед многодетными семьями: “Муравьев много, да безголосые, а сверчок один, зато громко поет!”

Катились годы, сын вырослел и менялся, а отец был глух к тревожным звонкам, и только с огорчением отмечал, как наследник все меньше и меньше отвечал родительскому взгляду на идеал. Придут горькие дни, и в нескончаемых показаниях Шломо станет винить себя в черствой слепоте своей.

Дополняя портрет Шломо, скажем, что смолоду он больше всего любил размышлять о вещах умозрительных. Поэтому хасиды практического склада шутили, мол, наивный парень, да и только! Разумеется, ни раби Яков, ни Рут, ни Шмулик так не думали.

В Священном Писании изображены персонажи как счастливые, так и несчастные. В окружающей жизни уживались вместе радости и беды, и их смешение напоминало Шломо знакомые сюжеты. Книги говорят то, что известно и без них.

Шломо пришел к мысли, что счастья и так довольно на земле, а большего людям и не положено. А вот к некоторым из несчастных надо бы придти на помощь. Да не ко всем, а только к тем, которым людьми или Небом назначено страдать за былой грех и каяться в нем. И этим тоже не без разбору помогать, ибо притворно угрызающиеся утешаться сами. Иной раз, проливая слезы, мы ими обманываем других и себя. Подать же руку помощи нужно казнящимся искренно, ибо самим им с горем не справиться.

Глава 2 Голиафово горе Давида

Окончилась суббота. Хасиды сотворили положенные молитвы, высыпали из ворот синагоги и шумной толпой последовали за своим любимым цади́ком раби Яковом. Через четверть часа вся братия уже сидела за необъятным столом в хорошо знакомой горнице. Голда, жена раби Якова, расставила на скатерти плетеные корзинки с халами и положила на стол ножи – пусть каждый отрежет себе ломоть по своему аппетиту. Из печи доносился многообещающий запах, это в большущем горшке готовился крупяной суп с овощами и пряностями. “Потерпите, миленькие, скоро сварится!” – посулила Голда голодным гостям и поставила в центр стола бутылку зеленого стекла – одного штофа водки хватит на всю ораву, ибо хасиды знают меру!

Место по левую руку от хозяина занимал Шломо, а рядом с ним расположился Шмулик. Справа восседал гость и лучший друг раби Якова, цадик города Доброва, пламенный хасид раби Меир-Ицхак.

Казалось, лицо раби Якова было несколько печально, или, скорее, озабоченно, а еще вернее – встревоженно. Приложив немалые усилия, хозяин добился относительной тишины за столом. Он объявил, что история, которую сегодня предстоит услышать хасидам, прозвучит из уст цадика соседнего города Доброва, хорошо всем знакомого раби Меира-Ицхака. Хасиды устремили благосклонные взгляды на умелого сказочника, а тот солидно огладил белую бороду и выразительным жестом руки указал в сторону раби Якова, дескать, хозяин дома намерен сделать вступительное сообщение.

- Хасиды, - произнес раби Яков, - сегодняшний наш рассказ мы с раби Меиром-Ицхаком посвятим вещам преотлично известным вам. Но даже азбучные истины требуют напоминания, дабы услышанное слово воплотилось в живое дело.

- Слово – сухая солома, а дело – сочная трава! – некстати выкрикнул один из хасидов.

- Прошу не перебивать! - строго сказал раби Яков, - если коровку зимой не кормить соломой, то летом ей не понадобится сочная трава! В последнее время я стал замечать, что в сердцах некоторых из вас пошатнулась устои праведности, мною внушенные. Уж не с запада ли подул ветер? Гоните от себя злой дух просвещенцев!

- Сказано в Писании, - добавил божинский цадик, - “Не желай жены ближнего твоего”. Всем вам известна сухая солома этих слов. Но дошли до меня вести, что кое-кто из вас подумывает о запретной сочной траве. Имен не назову, взглядом не намекну и пальцем не укажу, а каждый сам про себя знает.

- Хочу напомнить, - продолжил раби Яков, - о событии далекой старины, о том, как царь Давид отнял жену у полководца своего...

- Талмуд не ставит эту историю в вину царю и объясняет ее не в укор ему! – снова перебил цадика все тот же неугомонный хасид.

- Потомок царя Давида станет Мессией, - терпеливо ответил раби, - и потому не смеем мы порицать древнего монарха, чтобы не гневить Спасителя. Толковать Священное Писание надо с умом, дабы за деревьями леса не проглядеть. Однако не случись с царем Давидом того, о чем мы говорим сейчас, меньше было бы заковыристых головоломов у наших мудрецов. Теперь раби Меир-Ицхак расскажет всем нам одну грустную историю, приключившуюся в его городе Доброве. Прошу тебя, раби, начинай.

Вступление раби Якова возбудило общее любопытство. Хасиды, не исключая Шломо и Шмулика, наострили уши и выжидательно воззрились на раби Меира-Ицхака, лик которого казался еще безрадостнее, чем у божинского цадика. Меир-Ицхак приготовился было начать рассказ, но тут Голда, пренебрегая значением момента, бухнула на стол вынутый из печи дымящийся горшок со свежим супом. Брюхо разговоров не любит. Поэтому внимание гостей естественным образом переключилось на новый важный объект.

Голда разлила варево по чашкам. Ломти халы были заготовлены заранее. Водку из штофа поделили поровну, произнесли благословение и принялись работать ложками и челюстями. У хасидов замечательный аппетит, и всего лишь через минуту-другую громкого чавканья они покончили с супом, вытерли миски последним куском халы и вновь устали на раби Меира-Ицхака.

2

- В Доброве живет некий состоятельный иудей, - начал рассказ раби Меир-Ицхак, - имя которого удивительным образом совпадает с именем великого царя, о котором говорил ваш цадик раби Яков. Итак, зовут этого мужа Давид. Он хоть и не хасид, но производит впечатление добропорядочности. Впрочем, дорогие мои, всякий истинно страдающий вызывает у людей сочувствие, и уж только поэтому люди склонны видеть достоинства его и забывать о свершенных им грехах. Надо вам сказать, братцы, что Давид и вправду глубоко несчастен, и душа его истерзана, и не видит он для себя спасения.

- Состоятельный и при сём несчастный? – задал вопрос некий не наделенный воображением хасид.

- Да, любезный, бывает и такое, - ответил рассказчик, - вот послушайте его историю и всё поймете. Четверть века назад юный Давид владел весьма крупным богатством, не то что нынче. Хоть и молод был, а правил делами умело, словно многоопытный воротила. Держал наемников, платил им справно, а взамен получал работу отличную.

- Жениться Давид не спешил, - продолжил раби Меир-Ицхак, - хоть и предосудительно это. Думал, мол, еще год, да еще год: чем тяжелее казна, тем скорее богатую невесту сыщу, соединим капиталы, и тогда держись, Добров – уедем за океан и станем там миллионщиками! Иными словами, жил Давид холостяком. Однако, дорогие хасиды, некоторые из вас изведывают, а другие помнят, что кипит молодая кровь, и жаждет человек ласки.

При этих словах раби Яков оглядел свою паству красноречивым взглядом, многозначительно поднял вверх указательный палец правой руки, а потом с благодарностью обнял за плечи рассказчика.

- Слушайте дальше, - произнес ободренный раби Меир-Ицхак, - трудился у Давида отличный парень, на все руки мастер и красавец в придачу. И невесту он себе нашел замечательную – девушка трудолюбивая и милая видом. Они справили свадьбу, и Давид радовался за своего трудягу и его избранницу и пожаловал молодым отменные подарки. И вот, не про нас с вами будь сказано, благодарные мои слушатели, приглянулась Давиду жена наймита. Вы уж, конечно, догадались, что работника завали Урия, а новоиспеченную супругу – Батшеву. Совпадения только кажутся нам случайными, а на самом-то деле, в мире царит закономерность.

- Это спорный вопрос, почтенный Меир-Ицхак, - заметил молчавший до сих пор Шломо.

- Не уводи в сторону, Шломо, - сказал раби Яков, - пожалуйста, продолжай, Меир-Ицхак.

- Давид очаровался Батшевой, - сообщил рассказчик, - а что она сама думала о нем, нам не ведомо. Как бы там ни было, но Давид возжелал мужнюю жену. Поначалу он жестоко загнал в самую глубину сердца нечестивые мысли и ничего не предпринимал. Но вот, как на грех, случилась срочная надобность уладить важные дела в далекой столице. Для свершения миссии Давид не мог найти лучшего исполнителя, чем Урия. И он отправил молодожена в трудный путь.

- Выбор пал на Урию случайным образом? – поинтересовался Шмулик.

- Спроси, лучше у Шломо, что он думает об этом, - ответил Меир-Ицхак, - я же уведомляю вас, хасиды, что случилась мерзость между Давидом и Батшевой, опять же не про нас с вами будь сказано.

- Не удивлюсь, если далее мы услышим, что в пути случилась беда с Урией, и он погиб и не вернулся в Добров, - с улыбкой заметил Шломо.

- Мне нечем тебя удивить, Шломо, - сказал Меир-Ицхак, - именно так и случилось, как ты предположил – умер и не вернулся Урия. Да только дело-то не так просто. Надо заметить, что не было у Урии братьев, и никто не мог продолжить род его, женившись на Батшеве.

- Целых полтора года не приходили вести о пропавшем, - добавил рассказчик, - наконец, узнали в Доброве, что Урия попал в плен к разбойникам, и они убили его. Тем временем, пока тянулось соломенное вдовство Батшевы, она трудилась у Давида заместо мужа. Вскоре после того, как дошло до города печальное известие, стал округляться у Батшевы живот. Честный Давид немедленно взял в жены свою работницу, и та родила дочь.

- Что случилось четверть века тому назад, то былем поросло, - глубокомысленно заметил Шмулик.

- Ошибаешься, мой юный друг, - возразил раби Меир-Ицхак, - страдал и страдает Давид. Он кается в свершенных грехах, а судьба не щадит его. Дочь засиделась в девушках, да, видно, так и не выйдет замуж дитя порока – никому не нужна такая жена. Других детей не родили Давид и Батшева, и не видать им внуков. Благородные наши обыватели неохотно ведут дела с преступившим Заповеди, и уж не так богат Давид, как в дни молодости. Кары, что свалились на голову его – честно заслужены им.

- Нет ли у него других несчастий? – поинтересовался Шломо.

- Есть! – воскликнул рассказчик, - те бедствия, что претерпевает Давид на виду у всех – ничто, в сравнении с горем, спрятанным в сердце его. Он винит себя в смерти Урии. Он истинно покаялся, но знает, что никогда не вернется к нему душевный покой, которого он вожделеет, и Урия тоже не вернется. Давид проклинает минуту, породившую в голове его негодную мысль, и клянет грешные дни, когда уступал зуду грязной похоти. “Я хотел бы прожить свою жизнь иначе, да разве возможно это?” – так сказал он мне однажды, и слезы покатались из глаз его.

- Вот видите, хасиды, - сказал раби Яков, - по праву наказан Давид, и не будет ему в этой жизни снисхождения. Пусть теперь надеется на милосердие Небес – вдруг примет во внимание Высший суд искренность Давида и не отправит его в ад. Я думаю, рассказ раби Меира-Ицхака дошел до ума и сердца каждого из вас.

Хасиды встали со своих мест, по очереди пожали руку раби Меиру-Ицхаку, поблагодарили Голду за славный суп, попрощались со своим цадиком и разошлись в задумчивости.

Глава 3 Игра в кости

1

Шломо любил прогулки по берегу Днепра. Забредешь подальше, Божин останется позади, сероватая голубизна реки успокоит глаз, вдали зазеленеет лес. Думай сколько хочешь. Размышления обновляют ум, рассеивают мрачное настроение, поднимают дух. Лучше всего гулять в одиночестве, но для смышленного попутчика Шломо рад сделать исключение и вступить в разговор.

Сверяться с чужим мнением порой интересно. Хорошо, когда толковый собеседник задает трудные вопросы. А если нет такового, то Шломо сам себя спрашивает. Вопросы прекраснее ответов – от первых веет блаженством, а вторые не утешают.

Шломо беспощаден, подозрителен, нелицеприятен к собственным суждениям – только так можно найти решение. Истина на замке, а ключ к нему – вопросительный знак. Шломо полагал, что вопрос важнее ответа. Правильно заданный вопрос сам наведет на ответ, а то и подскажет, что ответа не существует. Возможно, спрошено неверно, тогда надо придумывать другой вопрос.

Шломо – человек книжный. Из чтения святых фолиантов, коих изучено им множество, он заключил, что они щедры на ответы, но скупы на вопросы. То бишь, на один и тот же вопрос имеются разные ответы – каждый мудрец сочиняет свою книгу. Выбирай на вкус. Задавать же новые вопросы сверх тех, что есть в фолиантах, или не удовлетворяться ни одним из ответов – такое в хасидской среде не приветствуется. Но хуже всего, согласиться с мнением, которое не одобряется твоей общиной. А у Шломо, как на грех, голова неутомная, и все родит лишние вопросы. Может, поэтому он так любит размышлять сам с собою?

Как человек по-европейски образованный, хасид сей заглядывает и в нечестивые книги тоже. На бранных их листах картина противоположна той, что в писаниях мудрецов. Безбожники только и знают, что задаваться вопросами, среди которых, однако, попадаются перлы. Шломо это больше подходит, потому как за ответом он и сам в карман не полезет. Инакомыслие свое Шломо не выставляет напоказ, ибо умничать – глупо.

Как-то шагал Шломо по любимым местам, устал от ходьбы и мыслей, уселся на пенек у дороги, ведущей в город. Тут идет Шмулик – возвращается домой после легкого трудового дня в счетоводческой конторе у своего нанимателя, богатого торговца. Шмулик всю бухгалтерию играючи держит в голове, расчеты производит в уме, но по настоянию магната-хозяина ведет записи, как требуют того строгие царские ревизоры.

2

- Приветствую тебя, Шломо! – воскликнул Шмулик, - что ты тут делаешь?

- Размышляю, Шмулик, - ответил старший товарищ, - вот, утомили меня мысли, присел отдохнуть.

- Вижу, печален ты, да и пропадал где-то, уж несколько дней я не видал тебя.

- Не встречались мы, так как был я в Доброве, и потому печален.

- Встречался с раби Меиром-Ицхаком?

- Нет, Шмулик. В Доброве я отыскал Давида, того самого, о котором нам давеча рассказывал раби Меир-Ицхак.

- На что тебе Давид понадобился, Шломо?

- Мне хотелось услышать историю его жизни из первых уст.

- Я понял со слов Меира-Ицхака, что Давид – грешник и страдалец.

- А меня Давид убедил, что он истинно раскаявшийся грешник и лишенный надежды страдалец.

- Лишенный надежды?

- Увы, Шмулик! В гибели Урии, в безысходном девстве дочери, в угасании рода, ибо не видать им с женою внуков, в оскудении богатства Давид винит только себя! В покаянных словах он признался мне, что хотел бы прожить жизнь иначе, но такое возможно лишь в мечтах, а в реальности удел его – горе, покуда он ходит по земле, а что будет за горизонтом жизни – то неведомо ему.

- Так мир устроен, друг мой, Шломо! Нельзя вернуть время. Бедствие необратимости. Или у тебя есть какая задумка?

- Задумок у меня – хоть пруд пруди, ты знаешь, Шмулик. Однако не будем забегать вперед. А лучше обратимся к доктрине воздаяния. Хочу нащупать нить, связующую необратимость с воздаянием.

- На Высшем суде на Небесах ждет Давида справедливое воздаяние. Коли истинно раскаяние его, то, кто знает, может, и не закрыта для него дорога в рай?

- Все возможно. Зачастую видим: праведнику худо, а грешнику хорошо. Но не имеем мы права сомневаться в том, что справедливость воли Господа рано или поздно, но непременно восторжествует. Труден вопрос, и много чернил извели мудрецы, и разные мнения высказали, мол, как бы там ни было, а справедливое воздаяние на земле ли, на Небе ли – обязательно настигнет каждого.

- Что нового в этом, Шломо?

- Ничего. Это – известное старое. От меня услышишь новое. Почему, Шмулик, слишком часто случаются беды с богобоязненными, и плывет удача в руки нечестивцев? Я думаю, что не воздаяние, а прихоть случая правит миром. Да, Шмулик, случайность действует вместо меры за меру. На земле – уж точно! Привычные, мы не замечаем, как случайность славно согласуется с рассудком.

- Позволь, а счастливый конец Иова? Разве случайность это?

- Иов умер старцем, насытись днями. Кабы судьба не уберегла его от ранней кончины, и лег бы он в сырую землю, сраженный горестями и утратами, то не получил бы воздаяния на земле, и стал бы жертвой случая.

- Диковинная трактовка Писания!

- Я не боюсь ереси.
- Выходит, душевные муки Давида – плод слепой случайности?
- Если верно мое предположение, то это так и есть.
- Какая безысходность! Ах, если бы не случайность, и справедливое и немедленное воздаяние действовало на земле, то сколь улучшилось бы человечество!
- Это несомненно! Как знать, а вдруг найдется средство врачевания природы?
- О, придумай что-нибудь, Шломо!
- Уж говорил я, не будем забегать вперед, - скромно повторил Шломо, - однако Бог добр к людям и, надеюсь, не воспротивится снятию с рабов своих проклятия необратимости и изгнанию случайности оттуда, где ей не место!
- Чтобы сказал бы раби Яков на твои речи? Боюсь, заподозрил бы богохульство!
- Раби Яков меня любит и прощает.
- А кто полюбит и простит бедного Давида?
- Кто бы это ни был – он не вернет ему мир душевный. Удел Давида – горевать до конца дней своих.
- Я думаю, Шломо, что счастьем Давида должно стать упоение горем.
- Пожалуй, ты прав, Шмулик. Что ему еще остается в этом посредственном мире?

Глава 4 Беда – неразумия сестра

1

Рациональная натура Шломо – пока он был юн, странствовал по Европе, набирался порочных знаний, – решительно не признавала веру в предчувствие. Очень странное для хасида свойство ума – отвергать мистическую подоплеку реальности. Последующие божинские годы смягчили твердокаменность Шломо. Повлияли и воспитательное действие раби Якова, и атмосфера безраздельного оптимизма общины, упивающейся духом хасидских сказок, и, наконец, желание спасти возлюбленную супругу Рут от загадочных женских страхов.

А, может, какой иной рычаг помогал Шломо освобождаться от заблуждений молодости? Трудно сказать. Одно бесспорно: Шломо не переставал думать о царстве неумолимой необратимости в мире. Он неустанно собирал в голове своей всевозможные факты этого рода и убеждался, что необратима воля судьбы. Он всё гадал, что руководит судьбой – причина или случай? Ведь если второе верно, то где же место воздаянию на земле?

Необратимость всегда связывалась в голове Шломо с безнадежным несчастьем. Не удивительно, что со временем появилось и затлело в сердце его некое смутное предчувствие. Порой казалось Шломо, что ему и Рут написано на роду упасть на дно пропасти вечной скорби, и не найдут они

спасения от горя, и нельзя будет подняться по отвесным скользким стенам. Он заставлял себя стыдиться суеверной мнительности и скрывал от Рут свои безосновательные предположения.

Шломо знал одного пожилого человека с небывалым именем Ахазья. Этот самый Ахазья ходил на костылях, был болен, бледен и никогда не улыбался. Он жил бобылем. Жалкий домишко его располагался в конце улицы, на которой стояла солидная храмина Шломо.

Инвалид не стал адептом местного цадика, не посещал субботние посиделки у раби Якова, но при этом зарекомендовал себя в Божине самым, пожалуй, преданным вере иудеем. Он горячо молился, дольше всех хасидов не покидал синагогу и горячо исполнял все заповеди. Вот только был он не словоохотлив, на вопросы отвечал слишком коротко и заметно торопился поскорее закончить любой разговор.

Верный своей страсти отыскивать всяческую необратимость, Шломо задумал поближе познакомиться с Ахазьей – не скрывает ли этот человек в сердце своем какого-нибудь горя? Раз, в праздник Пурим, когда иудеи отмечают победу над ненавистным Аманом, безжалостно нагружая свои желудки едой и хмельным зельем, Шломо явился к Ахазье. Гость поставил на стол зеленый штофик водки и две кастрюли. Открыл обе. Из одной донесся запах тушеного мяса, другая пахла вареной картошкой. Нелюдимому хозяину ничего не оставалось, кроме как дополнить картину праздничной трапезы двумя рюмками, двумя мисками и двумя ложками.

2

- Живем мы с тобой, Ахазья, в одном городе, на одной улице, а почти не знакомы друг с другом, - первым заговорил Шломо, - почему иудеи одержали верх над заклятым врагом своим? Потому что держались все вместе. И нам с тобой надлежит делать то же.

- Аминь! – лаконично поддержал хозяин и наполнил рюмки.

- Я поднимаю тост за здоровье нашего иудейского народа и, прежде всего, божинского народа! - велеречиво произнес Шломо, - только звери не употребляют алкоголь.

- Аминь! – прозвучало немногословное одобрение Ахазьи.

Тут в беседе наступила пауза, ибо рты занялись едой. Когда опустели рюмки, штофик, миски и кастрюли, разговор продолжился.

- Почему нарекли тебе имя Ахазья? Уж больно дурная слава идет за сим древним израильским царем!

- Ахаз – настоящее имя мое. Ахазья – прозвище.

- Прозвище, как известно, штука меткая. Расскажи, как заслужил его. Меня не остерегайся, я – друг тебе.

Опять затишье. Хозяин задумался. Не привык он много говорить, хоть и есть, что рассказать о себе. “А хорош ли Шломо? Глаза добрые, значит, можно верить ему!” – решил Ахазья. К тому же, в непривычной голове хмель большую силу имеет, тянет за язык.

- Я родился и жил в европейской стране, а в Божин, город праведности, сбежал от тамошнего безверия, - неторопливо проговорил Ахазья.

- Как здорово! – воскликнул Шломо, - я тоже долго жил в Европе, многое повидал, чего в Божине нет. Но вернулся на родину. Рассказывай дальше, Ахазья! Лучше меня – никто тебя не поймет!

- Воспитывался я в семье состоятельной. Родители мои, иудеи богобоязненные, хотели дать мне образование талмудическое, видели в сыне своем будущего духовного наставника. Отправили меня в столичный город, в дом учения к известному мудрецу.

- Мать с отцом – лучшая опора в начале жизни. А я вот, рано осиротел, средства были, но блуждал на ощупь, - грустно заметил Шломо.

- Я пренебрег опорой. Попал в лапы к просвещенцам. Манкировал учением. Месяц за месяцем безбожные бездельники поили меня ядом безверия, пока я не отравился вконец. Совсем забыл нашего Бога.

- Неужто веру чужую принял?

- До этого не дошло. Однако случилось как-то раз, в нашем городе стали христиане теснить иудеев, настоящую войну объявили. Истинные соплеменники мои вытерпели гонения, но отстояли исконную нашу веру. А я к тому времени слишком прикипел к просвещенцам, вместе с ними потянулся за неприятелем и вступил в его круг. Мы все остались чужими в фальшиво-радушном доме.

- С кем не случается, Ахазья? Ошибся, что ушибся – вперед наука!

- Ах, если бы была мне наука! Увы, увы... Мудрец объявил вакацию в доме учения, и я поехал к отцу с матерью. Слухи о моем падении опередили меня. Матушка слегла от горя и вскоре умерла. Только я виновен в безвременной кончине родительницы!

- Тяжело жить с грузом такого греха на совести...

- Я не понимал еще всего ужаса своего преступления. Отец выстроил на все сбережения корабль, чтобы в дальних странах закупить пряностей и тканей для прибыльной продажи на родине. Он решил, что лучше мне стать купцом, а не духовным наставником. Меня он собирался взять с собой, дабы учить купеческому делу.

- Смерть твоей матери разбила его планы?

- Кончина жены разбила ему сердце. В несчастье этом он усмотрел дурной знак и отменил плаванье. Судьба не щадила нашу семью. Случился сильный шторм, корабль сорвался с якоря, и прибрежные скалы расщепили судно. Мы остались без средств к существованию.

- Ты винишь в этом себя, Ахазья?

- Разумеется! Ужасной была доля родителя: смерть возлюбленной супруги, богоотступничество сына, утрата имущества – слишком тяжела ноша бедствий. Отец последовал за матерью. Я осиротел.

- Вот и постигла тебя кара Божья!

- Это – только часть её! Возвращаясь с похорон отца, я споткнулся, провалился в придорожную канаву и повредил ногу. Попутчики доставили меня домой. Боль была невыносимой. Я попросил одного из товарищей позвать ко мне лекаря из просвещенцев, а, по существу, колдуна.

Тот явился, и я спросил, что ждет меня? Услыхал в ответ уверение, мол, скорое исцеление не за горами. Но коротка была радость. Пришел ко мне раввин, и в гневе спросил, зачем я обратился к язычнику – разве нет праведных лекарей иудейских? Раввин жестоко осудил меня за богоотступничество и посулил мне жизнь полную горя и раскаяния. Он оказался прав.

- Теперь-то я понял, отчего прозвали тебя Ахазья! – воскликнул Шломо, - какое удивительное сходство проступков твоих с грехами древнего царя!

- Монарх умер молодым. Кто знает, может, ранней смертью своею искупил он неблагоприятные дела свои? Да мне-то что? Я не умер молодым, я живу и терзаю себя!

- Чем кормишься?

- Я много языков знаю. Иной раз приезжает ко мне кто-нибудь из старых моих знакомых просвещенцев, просит переложить что-либо с одного языка на другой. Платит. Так и живу.

- Ты раскаялся, Ахаз?

- О, как глубоко, как глубоко! В каждом ложном шаге своем!

- А не думаешь ли ты, Ахаз, что за искренние угрызения совести положено тебе прощение, исцеление, хоть какой-то луч надежды?

- Не знаю, Шломо. Возможно. Мне худо, но я не ропщу. Под раскаяние свое я подвел фундамент нынешней благочестивой жизни. Я не ищу выгоды. Ценность праведности в ней самой.

- Во всех бедах, что случились с тобою и семьею своею ты винишь себя?

- Только себя, Шломо, - сказал Ахазья, и глаза его увлажнились, - слишком много бед я натворил!

- Беда – неразумия сестра. Жаль, не скоро слабость разума становится очевидной. Сейчас ты другой. А хотел бы ты смолodu жить иначе?

- О чем толковать? Да разве повернешь время вспять? Необратимость!

- Прощай, Ахазья. Ты достоин лучшей доли, - промолвил Шломо, обнял Ахазью и вышел с понуренной головой.

Глава 5 Беседа в саду

1

После разговора с Ахазьей, погруженный в размышления Шломо возвращался домой. Путь его был прост, ибо жилища недавних собеседников располагались на одной и той же улице Божина: имущий хасид жил в центре городка, а бедный инвалид обретался на окраине.

Шломо обнял Рут, с нарочитым интересом выслушал из ее уст меню праздничной трапезы, но, насытившийся в гостях, от ужина отказался. Жена надула губы, а муж виновато повторил умеренную супружескую ласку и отправился в сад. Лаской заслужишь прощения.

Шломо уселся на скамейку в беседке. Зима отступила, надвигалась весна. Близился закат. Деревья возвышались над землей бесстыдно голыми, без листьев. Птицы, которым повезло пережить холода, нестройно пели, следуя природному своему долгу оглашать вечерний воздух шумом и гвалтом.

В этот час, впрочем, Шломо не расположен был к лирическим чувствованиям. Встреча с Ахазьей крепко зацепила его сокровенные мысли. Ему необходимо было обсудить с достойным собеседником историю несчастного инвалида. Шломо подозвал пробежавшего мимо мальчишку, дал ему алтын и велел немедленно разыскать и привести Шмулика.

2

Шмулик весьма гордился уважением старшего товарища и поэтому с готовностью откликнулся на срочное приглашение Шломо, неизменно пользовавшегося той проверенной мудростью, что за доверие щедро платят верностью.

- Я кое-что знаю об Ахазье, - сказал Шмулик в ответ на коротко рассказанную ему старшим товарищем историю.

- В таком случае, не хотел ли бы ты что-нибудь добавить к моим словам? – заинтересованно спросил Шломо.

- Я осуждаю Ахазью за то, что не порвал он до конца с просвещенцами. Они наезжают иной раз в Божин, дают ему какую-то работу. Да и нас, хасидов, этот человек чурается, держится стороной, словно мы не достойны его общества. Обидно и подозрительно.

- Надо же ему добывать хлеб насущный! Разве худо зарабатывать на жизнь знанием языков? А к хасидам Ахазья не примкнул, потому как человек он европейский.

- Может, ты и прав, Шломо. Твой рассказ о нем настраивает на сострадание.

- Вот именно. Да только мало ему толку от сострадания. Он глубоко осознал свои грехи, а всемогущая случайность не принесла ему никакого воздаяния за истинное раскаяние. А ведь таковое не слишком часто встречается среди людей.

- Говоря твоим языком, Шломо, он терзается муками необратимости и не имеет надежды пройти жизненный путь заново – чисто и богоугодно.

- Разве этой гранью не сходно горе Ахазьи с горем Давида? Того самого Давида, о котором мы говорили прежде?

- Сходство налицо. Одинаковая беда делает похожими разных людей. Знаешь, Шломо, я размышлял о предмете, столь занимающем тебя. Мне кажется, все же существует обратимость, а воздаяние не обязательно случайно!

- Ах, Шмулик, ведь видимая нами обратимость – мнимая! Скажем, умер человек, сгорел дом, поругана любовь, утрачено доверие друга – и далее без конца. Казалось бы, время и желание вернут утраты: родится человек, выстроишь новый дом, полюбишь другую женщину, снова подружись и обретешь доверие. Однако это мнимая, а не истинная обратимость, в сущности – замена!

- А ведь ты прав, Шломо. Сердце истинно раскаявшегося вожделеет преодолеть необратимость, а получает оно в лучшем случае замену! Только желающий обмануться упорно внушает себе, что усыпил горе.
- Прекрасная мысль, Шмулик! Самообманом усыпишь горе, но не сотрешь его в сердце. Замена и есть воздаяние, и, разумеется, оно мнимо, как мнима обратимость, - заметил Шломо.
- Я начинаю видеть мир твоими глазами, мой старший друг. Воздаяние на земле не только мнимо, но и случайно – пристальный и непредубежденный взгляд на жизнь приводит к сему простому заключению, - воодушевленно подхватил Шмулик.
- Душа моя жаждет помочь несчастным, коих не так уж и мало среди нас. Никто не может быть уверен в завтрашнем дне. Да и я сам могу оказаться в беде! Справиться с необратимостью – вот мысль, что денно и ночью буравит мой неугомонный мозг, - поделился своей мечтой Шломо.
- Корни великих намерений, если им судьба осуществиться, обязаны глубоко и прочно сидеть в почве законов природы, не так ли, Шломо? Как же победить необратимость, коли время направлено только вперед и не знает возврата назад? А касательно случайности воздаяния, спрошу тебя, друг, кому удастся навязать подчинение событий причинам в нашем человеческом царстве, издревле устроенном как верный подданный случая?
- На твой вопрос отвечу вопросом, Шмулик. Как думаешь ты, может ли мужчина создать или слепить из разных человеческих органов нового человека и вдохнуть в него жизнь и разум, минуя совокупление с женщиной – лишь силою своей мысли и умением собственных рук?
- Разумеется, нет!
- Ошибаешься, дорогой! Юный ученый-швейцарец по имени Виктор Франкенштейн совершил сей научный подвиг! – торжественно воскликнул Шломо.
- А не враки ли это? Уж слишком велико посягательство на установленный Небом вечный ход вещей! – усомнился Шмулик.
- Это истинный факт. Ты ведь знаешь, Шмулик: все мы любим книгу – источник правды. Так вот, дружище, деяние Франкенштейна описано в книге!
- Ну, если так...
- Многоумный Виктор сотворил явление материальное. Отчего же я, хасид Шломо, не смогу воплотить силу моего разума в предмет идеальный, способный вселяться в душу человека и возвращать ему счастье и покой? Затея моя благородна и полна любви к людям – я хочу спасти тех, кто заслуживает спасения.
- О, Шломо, я стану помогать тебе, сколько могу. Не ради славы – ради добра в мире!
- Затея моя крайне дерзкая, Шмулик. Опыт Франкенштейна окончился весьма печально. А вдруг и мое открытие, если мне суждено его сделать, принесет больше вреда, чем пользы? К тому же я рискую быть сурово и по праву наказанным Господом за посягательство на Его прерогативу, а ты невинно пострадаешь со мною заодно. Поэтому совесть подсказывает мне действовать в одиночестве, ибо не имею я права подвергать тебя опасности!

Глава 6 Злосчастье любви

1

Неподалеку от места, где проживали Шломо и Рут, стоял скромный, но вполне благополучный дом бывшего божинского кузнеца. Неравнодушный читатель озабоченно спросит, что значит “бывшего”? Не случилось ли чего с человеком, жив ли он, наконец? Ответ прост – кузнец жив, здоров пока, но стар. Исыякли силы ворочать раскаленное железо, стучать молотом, торговаться с заказчиками о цене. Мастер заслуженно отдыхает от многолетних трудов.

За долгие годы тяжелой работы бережливый ремесленник скопил достаточно денег, которых ему и его жене хватит до самой смерти. Сбережение – не меньшее искусство, чем приобретение. Дом, хозяйство и остатки родительских запасов унаследует Яэль, их неудачливая дочь, старая дева, живущая с отцом и с матерью. Отсюда приходим к заключению, что класть в кубышку – вещь полезная, особенно если это делают родители.

Никому в Божине не ведомо, почему сия средних лет женщина, которая в молодости хоть и не слыла первой красавицей, но была недурна собой и умом не обижена, не вышла замуж и не утешила родителей единственной доступной старикам радостью – счастьем взрослых детей. Правда, знавшие ее ближе, говорили, мол, очень уж горячим нравом отличалась девица. Да разве пылкость может быть причиной или оправданием безбрачия?

Вечная печаль была написана на лице Яэль. Люди не удивлялись: еще бы ей не тужить, коли жизнь прошла мимо, и упущенного не вернуть – ничего не поделаешь с необратимостью! Однако ужасную тайну прятала она в сердце своем.

Яэль тянулась к Рут. Конечно, жена Шломо была моложе, но зародилось меж двумя женщинами некое взаимное притяжение, и оно сближало их дух. Иной раз они встречались – то в лавке, то на улице, то в синагоге – и охотно болтали о том о сем. Рут чувствовала, что дремлет в сердце Яэль секрет невысказанный, и слова прячутся в устах, да не отверзаются они. Подталкивать же к откровенности – не в правилах Рут.

Однажды постучалась Яэль в дом Рут – одолжить соли, забыла вовремя купить, а лавка, как на грех, закрыта уже. А, может, нестерпимо захотелось Яэль поговорить по душам, вот и выдумала предлог? Вполне правдоподобно. Рут отсыпала соль в подставленную посудину, а тут как раз самовар заявил в полный голос, мол, кипяток готов. Уселись пить чай.

Рут полагала, что Шломо в этот час пребывает в синагоге, а он вернулся раньше обычного, и, не желая беспокоить жену и отрывать ее от беседы, тихонько прошел к себе в комнату и стал нечаянным свидетелем разговора за стенкой.

2

- Бери малиновое варенье к чаю, вроде славно удалось, хоть и грех свое хвалить, - сказала Рут.

- Какое душистое! – воскликнула Яэль, - дашь рецепт?

- Разумеется! Мы к вам вместе со Шломо придем, принесем ведро малины из нашего сада, в этом году ягода отлично уродилась, нам самим не одолеть. Сваришь варенье, порадуешь своих стариков.

- Ой, спасибо, Рут!

- Как здоровье отца с матерью? Чем-то ты озабочена, не этим ли?
- Спасибо, Рут, родители, слава Богу, здоровы. А что грусть меня ест, так это верно.
- Расскажи, если хочешь, если время пришло, если на душе тяжело. Печаль на двоих – полпечали. Нас никто не слышит, а я умею молчать, - ободрила гостью Рут.
- Печаль на двоих – полпечали, а горе на двоих – два горя, - заметила Яэль.
- Открыться или при себе держать – твоя воля!
- Живу я с огромной бедой и с нею умру. Лишь один человек знает о ней, но труслив он и будет молчать, ибо страх сковал ему язык. А тебе я верю, Рут.
- Я слушаю, - сказала Рут и сжала своею рукой руку Яэль, - и кто он, этот трус?
- Горька и жестока повесть сия, хоть это и история любви. А пугливый очевидец беды – Барак, возлюбленный молодости моей.
- Неужели любовь может принести горе? – изумилась Рут.
- А вот послушай. Двадцать лет тому назад, когда ты еще маленькой девочкой была, влюбилась я без памяти в человека по имени Барак. Парень видный из себя – высокий, стройный, сильный, веселый, чернокудрый – да что и говорить! Нанялся на год к отцу в кузницу помощником, собирался свое дело открыть. Отец говорил, мол, отличный мастер выйдет из Барака.
- Начало не предвещает худого. Похоже, все хорошо, - заметила Рут.
- Не совсем хорошо. Бараку я нравилась, но, казалось мне, что не зажглась любовь в его сердце, а, скорее всего, как поняла позднее, не умел он любить горячо. И вот, появился в Божине соперник у Барака – молодой торговец в разнос по имени Сисра. Он пришел к нам в дом предлагать разные товары. Мать купила у него соусник – добавку к пасхальной посуде, а отец раскошелился на новый кузнечный инструмент, - вспомнила Яэль и замолчала, задумавшись.
- Продолжай, душа моя, - произнесла Рут, захваченная предвкушением романтической истории.
- Сисра стал навещать в наш дом, изобретая разные поводы – то один товар предложит, то другой. Однако ясно было, что он полюбил меня – этого не скрыть. А я оставалась к нему равнодушна. Сисра вскоре понял, кто владеет моим сердцем, и затаил зло против соперника. Я же, зачумленная бабьим неразумием, задумала подогреть Барака ревностью и стала при нем изъяслять притворное благоволение к Сисре. На беду, оба мужчины поверили.
- Как незаслуженно нелестно ты говоришь о себе, Яэль!
- Ах, Рут, еще как заслуженно! Глупый расчет мой произвел действие неожиданное. Я-то думала, что Барак поторопится признаться мне в любви и попросит у отца моей руки. А он не спешил с этим, зато разгорелась в его сердце ненависть к Сисре. Дошел до меня слух, что случился меж Баракон и Сисрой решительный разговор, и пообещали враги убить один другого, а я останусь живому победителю.
- Боже мой, какой ужас! – воскликнула испуганная Рут.

- Худшее – впереди! Я решила, что Сисра есть подлинный враг моей любви. “Боже, убереги Барака от несчастья, не дай погибнуть возлюбленному моему!” – твердила я себе и взывала к Небу. И вот, в один ужасный вечер я узнала, что недруги, словно помраченные разумом, вышли на охоту друг за другом, готовые оба на отчаянное деяние.

- Какое несчастье! – вскричала Рут, и слезы страха затуманили ее глаза.

- Спустилась ночь. Отец с матерью спали. Я вышла во двор. Луна едва проглядывала через облака. Вдруг я услышала скрип калитки и порывистое дыхание. Это ворвался во двор Сисра. “Враг мой скрылся, - задыхаясь от быстрого бега, прохрипел он, - в другой раз порешу его! Дай мне до утра приют, Яэль!”

- Я чувствую приближение непоправимого! – вновь вскричала Рут.

- Ты права. Я отвела Сисру в амбар. Обессиленный, он рухнул наземь, попросил воды. Я поднесла ему кружку молока. Он мигом опустошил ее и уснул. И тут диббук овладел моим сердцем, и без того ослепленным страстью и безумием. Я бросилась в отцовскую кузницу, схватила молот и железный кол, вернулась в амбар, приставила кол острием к виску спящего и ударила молотом по блестящему торцу. Сисра умер мгновенно.

- О, горе, о, ужас! – только и смогла прошептать побледневшая Рут.

- Тут снова скрипнула калитка, вбежал Барак. Я схватила его за руку: “Иди, взгляни на своего врага! – сказала я, - теперь нет преград нашей любви!” Увидев мертвого, Барак, который, казалось, минуту назад сам намеревался убить Сисру, теперь смертельно испугался. Он оттолкнул меня, затем схватил лопату, вырыл глубокую яму и закопал тело. “Никто никогда ничего не узнает!” – прошипел он мне в лицо и ушел в темноту ночи. Он покинул Божин, и пропал для меня навсегда.

Рут залилась слезами, Яэль тоже разрыдалась. Женщины обнялись.

- Твои отец и мать знают? – спросила Рут, отирая красные глаза.

- Нет, я от всех хранила тайну. Теперь вот ты посвящена в нее, - ответила Яэль.

- Я никогда не выдам тебя!

- Я верю, иначе бы не рассказала.

- Как жаль мне тебя, как жаль молодости твоей!

- Не заслужила я жалости, Рут! За безумный порыв свой, за безрассудную страсть и великую глупость я покарала себя безбрачием. Нет в мире покаяния, глубже моего, и только в горе я ищу утешение себе!

- Ужасна доля твоя!

- Ах, как хотела бы я прожить иначе, да не повернешь время вспять – необратимость! – воскликнула Яэль и вновь заплакала, и Рут не замедлила присоединиться к ней.

Шломо, потрясенный невольно подслушанным рассказом, тихо вышел из дома. “Удивительное совпадение имен – как у героев Святого Писания, - подумал он, - правда, сходство внешнее.

Однако неужели имена людей предопределяют судьбы их? И опять всё те же звенья знакомой роковой цепи: грех – искреннее покаяние – безнадежность необратимости...”

Шломо решил, что женщины не должны знать о существовании свидетеля их общей страшной тайны. Он побродил по берегу Днепра, через час-другой постучал в дверь. “Я вернулся из синагоги, Рут. Чем порадуешь на ужин?” – как ни в чем не бывало приветствовал хасид супругу.

Глава 7 Франкенштейн и Гоэль

1

Благородный дух Шломо не мог оставаться безучастным к моральным мукам ближних, а его креативный ум упорно искал способа вернуть мир в сердца страдальцев. Горячее чувство милосердия и работа холодной мысли наущали друг друга и вместе являли собою единый душевный порыв хасида.

“Франкенштейн сотворил человекоподобное существо, - размышлял Шломо, - то есть объект материальный. Почему бы мне ни создать некую новую сущность идеального свойства? Пусть творение сие послужит общему благу. Нет, не всем и не каждому потребуется спасительная сила благоизобретенной мною нематериальной субстанции. Только лучшие удостоятся чести спасения!”

“И в самом деле, те, кто в прошлом согрешили, - продолжал рассуждать Шломо, - а затем подлинно раскаялись и ныне смиренно несут в сердцах своих бремя собственной вины, черпая утешение в горе, они – ценнейшие эталоны нравственности в среде рода человеческого. Нам всегда нужен кто-нибудь, по образцу которого складывался бы наш нрав. Несомненно, люди эти духовно выше безгрешных праведников. Возвращение благоденствия в души мучеников важно не только для них самих. Оно укрепит веру обитателей земли в неотвратимость добра и уничтожит подозрения в случайной природе воздаяния”.

“Кто эти благородные мученики? – задавался вопросом хасид, - это Давид, о жизни которого рассказывал цадик города Доброва раби Меир-Ицхак. Это несчастный Ахазья, открывшийся мне. Это Яэль, поведавшая свою беду потрясенной Рут. А сколько еще таких страдальцев в Божине? Я всех их вспоминаю, сравниваю меж собой и обнаруживаю в разных судьбах одну и ту же злую силу – страшный гнет необратимости. Я сознаю свой долг – я обязан принять на себя миссию спасения! Пора начать обдумывать практическую сторону дела”.

Шломо подумал, что первичный вдохновляющий толчок к воплощению в жизнь его идеи он найдет в просвещенной Европе. Необходимо лучше разобраться в обстоятельствах создания Франкенштейном его чудовища и понять двигавшие ученым мотивы.

Прежде Шломо ездил на запад холостым, теперь он возьмет с собою жену Рут. Она, конечно, робеет, но во всем надеется на мужа. Шломо не поделился с Рут своим грандиозным замыслом, не любил бахвалиться, да и кто знает, что ждет его – удача или разочарование? Кроме Шмулика никто не ведал о его намерениях.

Верный хасид сердечно расстался с раби Яковом. Последний, как всегда, остерегал своего питомца от чуждых соблазнов. Шломо не повидался с Ахазьей накануне отъезда, дабы не будить в инвалиде воспоминаний о прошлой жизни в Европе. Рут расцеловала Яэль на прощание и решила по возвращении порадовать ее какими-нибудь диковинными заграничными вещицами. Вскоре супружеская чета отправилась в путь.

Жизнь европейская если и не привычна, то уж точно знакома была Шломо. Зато Рут первое время смущалась и трусила, и не диво – улицы, дома, люди и повадки их не такие, как в родном Божине. Внимательный муж всё объяснял, когда надо остерегал, показывал значительное и величественное, переводил речи варваров на богатый и изысканный божинский язык.

Поначалу европейцы производили на Рут впечатление людей неразвитых и даже глуповатых, обычаи их казались ей бессмысленными, а товары в лавках бесполезными. Однако усилиями Шломо, и, благодаря собственному гибкому уму, Рут вскоре пришла к мысли, что Европа хоть и слишком далека от Божина и заброшена на край света, но все же достаточно цивилизована.

Шломо не рассказывал Рут ни о Франкенштейне, ни о том, что собирается повстречаться с аристократической особой женского пола, описавшей научный подвиг швейцарского ученого. Не будучи осведомлена о намерениях мужа, Рут недоумевала, зачем нужно покидать континент и плыть на остров, язык которого даже сам Шломо не знает?

Лондон – город космополитический, он охотно оказывает гостеприимство платежеспособным путешественникам со всех концов света. На французском языке Шломо написал письмо супругам Шелли – Мэри и Перси. Он выразил свое восхищение литературным произведением о Франкенштейне и просил уделить ему и его жене немного времени для обсуждения книги и ее героя.

В высшей степени благоприятный ответ не заставил себя ждать: экзотические гости с востока были приглашены в английский аристократический дом. Рут слишком стеснялась и потому решила дожидаться мужа в гостинице. Она остерегла его от употребления недозволенной пищи и убеждала основательно поесть загодя, ибо ничего кошерного ему все равно не подадут. “Учти, тебе предстоит встреча с отъявленными вольнодумцами, безбожниками, и, хуже того, охотниками до свободной любви, не про нас с тобой будь сказано!” – заявила Рут мужу. Шломо пожалел об излишней своей откровенности накануне.

Любознательный Шломо не нанял извозчика, а продвигался к цели пешком, чтобы получше разглядеть город и его обитателей. Добравшись до богатых особняков, в одном из которых проживали Мэри и Перси, с удивлением наблюдал Шломо всадников верхом на конях. Они, не торопясь, шествовали по мостовым, иногда гордо и значительно приветствуя друг друга. Шломо подумал, что такого дива в Божине никогда не увидишь: хасиды не ездят верхом, ибо возвышаться над толпой – не привычно и не доступно иудеям. Да и откуда у бедняков дорогие верховые кони? К тому же не разъедутся два встречных всадника на узких божинских улицах.

Чета Шелли чрезвычайно обрадовалась неожиданному визиту. Кажется, никогда прежде им не приходилось знаться с восточными иудеями, тем более с хасидами. Оказалось, что Мэри и Перси прекрасно владеют французским языком. Шломо извинился за отсутствие Рут – она не вполне здорова и вынуждена отказаться от чести лично познакомиться со светилами европейской литературы. Визитер был немедленно прощен. Его пригласили в сад, лед официальной части знакомства быстро растаял, и беседа потекла.

- Уважаемые и гостеприимные хозяева, я крайне польщен вашим согласием побеседовать с украинским хасидом, - церемонно произнес Шломо.

- Ах, Соломон, мы оба из когорты любознательных и всегда с большим интересом знакомимся с новыми людьми и бываем истинно рады видеть их в нашем доме, - сказал Перси.

- Вас не смущает, дорогой гость, что муж переименовал ваше имя на привычный для нас лад? – спросила Мэри.

- Мы, иудеи, свыклись с манерой иных народов приспособлять наши имена на удобный фасон. Если вы не против равновесия, я буду называть вас Мирьям и Пинхас, - широко улыбаясь, заметил Шломо.

- В таком случае, Шломо, ради равновесия вернемся к подлинности! – предложил Перси, - я думаю, мы только выиграем, являясь друг к другу в нашем подлинном обличье.

- Жажда подлинности – краеугольный камень научного поиска. Возможно, поэтому я необычайно высоко оценил деяние Виктора Франкенштейна, столь глубоко и талантливо описанное в вашей книге, Мэри, - сказал гость, сворачивая к интересующему его предмету.

- Ну, что вы, Шломо, моя заслуга не так уж и велика! Я всего лишь добросовестно констатировала факты, - возразила Мэри.

- Ах, дорогая моя, - воскликнул Перси, - не будь чересчур скромна! Твою книгу ждет великое будущее!

- Горячо присоединяюсь к мнению вашего мужа, - воскликнул Шломо, - поясните мне, Мэри, как же это удалось молодому швейцарцу создать и оживить человекоподобное существо из частей трупов?

- Франкенштейн смолоду отличался исключительным трудолюбием. Юношей он увлекся изучением сочинений древних испытателей природы, потом упорно учился в одном из лучших университетов и овладел современной наукой естествознания, - ответила Мэри.

- Знатоков немало, но только Франкенштейну покорилося великое таинство! – заметил Шломо.

- Это неспроста! – воскликнула Мэри, - ибо он единственный, кто постиг тайну зарождения жизни и научился гальванизировать мертвую материю!

- Созданное швейцарцем существо отличалось крайним уродством и необычайно огромным ростом. Это и стало, в конечном счете, причиной его непрерывных бедствий и страшных преступлений. И своему создателю монстр принес горе и смерть. Почему же Франкенштейн не сотворил особу привлекательную и людям понятную? – спросил Шломо.

- Я затрудняюсь ответить вам, Шломо, - промолвила Мэри, - я уж говорила, я видела свою задачу в констатации фактов.

- Полагаю, не найти ответа на вопрос “почему”, ибо он заставляет искать причину в царстве случайности, - высказал свою догадку Перси.

- Ах, опять эта случайность! – воскликнул Шломо.

- Похоже, случайность делит с причиной власть над миром, - добавил Перси.

- Я думаю, будь творение Франкенштейна благообразнее, - задумчиво произнесла Мэри, - судьбы обоих были бы счастливее.

- Какая сила влекла ум и сердце Франкенштейна? Чего хотел он? – спросил Шломо, - я этого не понял из книги о нем!

- Чисто научный интерес! – твердо заявила Мэри.

- Не идеализируешь ли ты своего героя, дорогая Мэри? Может, то было честолюбие или жажда славы? - усомнился Перси.

- Виктор Франкенштейн унес в могилу свою тайну, - с грустью заметил Шломо.

- Ужасны последствия попытки человека посягнуть на прерогативу Творца! – провозгласила Мэри.

Это заявление Мэри Шелли насторожило Шломо. Однако к общему удовольствию участников, разговор продолжался еще довольно долго. Возвращаясь, гость размышлял о себе, о Франкенштейне и о его творении. Шломо думал о том, сколь велика и как далека цель, которую предстоит достичь ему, скромному божинскому хасиду.

Деяние Франкенштейна представлялось хасиду великим и бессмысленным вместе. Шломо задумал произвести нечто безусловно полезное. Он уже воображал себя избавителем напрасно страдающих. “Я пойду другим путем. Люди назовут меня спасителем. Воистину, я буду для них Гоэль! Нет, это не скромно. Имя Гоэль я, пожалуй, присвою своему творению!”

Глава 8 Проснется наука – тьма уснет

1

После лондонской беседы с литературной четой супругов Шелли, хасид Шломо посчитал свою европейскую миссию исчерпанной. Рут, в свою очередь, утомилась от переездов, поисков кошерной пищи, спанья в гостиничных кроватях без клопов, ходьбы по мощеным улицам без луж и грязи, восхищения роскошными храмами чуждой веры и так далее, и так далее. Обоим хотелось домой.

Подъезжая к Божину, родному и желанному, Шломо высунул голову в окно тряской кареты и высокопарно возгласил: “Приветствую вас, отчизны сладкий дым и древний град отцов!” Рут достала из рукава платочек и утерла слезы умиления. “Наконец-то мы дома!” – незатейливо, но от души проговорила она.

Свой первый визит в родном городе Шломо нанес раби Якову. После радостных объятий и поцелуев путешественник успокоил цадика в главном вопросе – Европа не испортила его питомца, который остался верным хасидом, преданным своему раби. Шломо подарил учителю прекрасный календарь иудейских праздников будущего года. Это приобретение он сделал в Большой синагоге Амстердама. На коже отличной выделки были вытеснены и раскрашены золотом будничные и торжественные даты и подобающие молитвы. Шломо рассказал цадику о прекрасном синагогальном хоре и о достойных тамошних иудеях, сторонящихся заразы просвещенчества.

Голде, супруге раби, Шломо привез в подарок позолоченное ситечко для чая. Он объяснил восхищенной матроне, что нынче в солидных домах европейских иудеев принято сначала процеживать чай, а затем уж употреблять его. Так напиток выглядит красивее, и пить его

приятнее – не надо отгонять черные чайники. Когда вскипела вода в самоваре, заграничная новинка была успешно опробована и превзошла лучшие ожидания хозяев и гостя.

Шломо не забыл о любимом занятии Шмулика – разглядывании звезд и луны в ночном небе, и преподнес ему в дар особенную подзорную трубу. Ахазья получил шкатулку из благородного цветного камня. На дне и по стенкам этого ларца выточены были канавки, а в них покоились костяные ручки со стальными перьями, которые бойко распространялись в Европе взамен гусиных. “Новейшие перья пригодятся тебе, чтобы записывать переложения с одного языка на другой” – пояснил Шломо.

Рут подарила Яэль несколько аршин прекрасного сукна, какого в Божине не сыскать. “Отрезы разных оттенков, - заметила Рут, - и все темные. С лихвой должно хватить и тебе, и отцу с матерью. А неяркие ткани я выбрала, потому как знаю, что на сердце у вас троих не весело”. Благодарная Яэль расцеловала молодую свою подругу и, конечно, залилась слезами.

Все, кого вернувшиеся из дальних странствий удостоили вниманием, были рады. Ведь подарки, преподносимые из чувства любви, принимаются охотно, не в пример дарам благодетелей.

2

После нескольких дней неизбежных праздных разговоров, визитов, рассказов и выслушивания накопившихся местных сплетен, Шломо приступил к осуществлению своей миссии с великим нетерпением, ибо праздность есть удел слабых умов. Для начала он восстановил в памяти беседу с супругами Шелли и записал ее в лицах, а также еще раз перечитал книгу Мэри о Франкенштейне.

Браться за дело надо в высшей степени основательно, готовить себя к работе длительной, возможно многолетней, не отступать перед неудачами, если таковые случатся на протяжении долгого пути. В части трудолюбия, упорства и решимости божинский хасид вполне походил на швейцарского ученого. Но в моральном аспекте сходство меж ними было минимально. Побудительными мотивами для Шломо служили не честолюбие и безликая наука ради науки, но сострадание и практический результат. В жизни полезного меньше, чем пустого, и всякий, облегчающий бремя ближнего, приносит пользу.

Разумеется, никто не станет сомневаться в научном даровании нашего героя, открывшего однажды способность камней мыслить. Теперь перед ним стояла задача более трудная, но разрешимая силой его изошренного ума.

Шломо сформулировал проблему следующим образом: “Создать некую новую, доселе не известную человечеству сущность, которая бы, во-первых, возвращала покой в души истинно раскаявшихся грешников, обреченных на вечные муки на земле по вине необратимости, и, во-вторых, установила бы справедливое воздаяние в мире, передав причине силу случая”. Сообразно своей спасительной роли сущность будет именоваться “Гоэль”.

Какого рода естеством должен обладать Гоэль? Шломо сразу решил для себя, что природа его детища не может быть материальной, присущей творению швейцарского ученого. Гоэль неизбежно явится людям в духовной ипостаси, ибо воздействие его деяний коснется духа человеческого.

Поскольку Гоэль – это нематериальный объект, то он не займет места в физическом пространстве. Он обязан существовать независимо от своего создателя и действовать самостоятельно. Гоэлю предстоит оказывать влияние на дух человека, поэтому он должен быть

обучен умению вселяться в человеческое сердце и покидать его по завершению работы. И, наконец, он задуман для вечной жизни.

Существует ли в мире нечто такое, что могло бы стать прообразом Гоэля? Если наличествует некая модель, то этот факт, несомненно, облегчит труд новатора. Шломо решил, что прообразом Гоэля вполне можно полагать душу человека. Разумеется, возможности Гоэля должны превосходить возможности души. Ведь он должен уметь самостоятельно отыскивать достойного помощника несчастного и, конечно, обладать способностью одновременного пребывания в нескольких сердцах.

3

Итак, прототипом для Гоэля была избрана душа. Теперь перед Шломо встал самый сложный вопрос – где взять “сырой материал”? Ведь в мире нет ни одной свободной души! Все они либо гнездятся в живых людях, либо, когда пробьет неминуемый час, возвращаются на Небеса и ожидают нового вселения.

В этом пункте исследований Шломо почувствовал, что оказался на распутье, и ему предстоит сделать очень непростой выбор, который определит успех или неудачу всей затеи. Перед взором первопроходца вырисовывались два альтернативных пути, могущих привести его к отысканию требуемой души.

Первый путь вел Шломо прямо к Сатану (которого ошибочно называют Сатаной). Напомним, Сатан – это двенадцатикрылый ангел, находящийся на вершине иерархии Небесного воинства, важнейший из адептов Господа Бога. Известный своим энтузиазмом в содействии идеям прогресса, Сатан, скорее всего, помог бы Шломо и предоставил бы в его распоряжение свободную душу, взятую с Небес. Однако Шломо принял во внимание, что такое решение с неизбежностью повлечет за собой серьезные проблемы.

Для того чтобы превратить в Гоэля полученную от Сатана душу, Шломо должен был бы поместить ее внутри себя самого для “воспитания”, то бишь направленного воздействия на нее. Возникла бы неведомая доселе ситуация пребывания в одном человеке двух душ одновременно. Такое положение казалось Шломо слишком неопределенным и чересчур рискованным. Кроме того, у Шломо не было полной уверенности в одобрении его идеи Сатаном. А получение отказа из высшей инстанции исключает любые апелляции и означает крах.

Второй путь, как и первый, был связан с риском, а также включал в себя элемент самопожертвования. Впрочем, последним обстоятельством Шломо гордился. Решение состояло в том, что наш хасид, не обращаясь за помощью к Сатану, станет создавать Гоэля внутри своей собственной души. Когда она впитает все необходимые идеи и навыки, которые Шломо внушит ей, то, по его замыслу, она должна будет исторгнуть из себя образовавшегося в ее недрах Гоэля.

Опасность тут немалая, ибо, если случится нечто непредвиденное, и не произойдет задуманного разделения двух объектов, то Гоэль улетит в пространство вместе с душой Шломо. Нет надобности лишний раз напоминать, что происходит с человеком, когда душа его отлетает от тела.

Как бы там ни было, но по зрелом размышлении Шломо решился на второй путь. Для сотворения Гоэля он возьмет в качестве “исходного материала” собственную душу. Шломо верил в точность расчетов своего ума. К тому же он будет возносить горячие молитвы к Небесам, чтобы Всевышний помог ему исполнить миссию и не допустил бы смерти его.

Не многие готовы рисковать вплоть до самопожертвования, как этого требует высокая цель. Да разве можно прожить, не рискуя? Как говорится, безопасные корабли – это вытасщенные на берег корабли!

Избрав путь, Шломо решительно вступил на него и принялся трудиться над претворением в жизнь идеи, которая может показаться маловерам фантастической, но, как докажет будущее, абсолютно реальной.

Множество практических и теоретических трудностей возникало на пути новатора. Шломо потребовались годы, чтобы преодолеть их и вплотную подойти к воплощению мечты. Но вот беда, незаметно для себя самого Шломо в том уподобился несчастному предтече своему Виктору Франкенштейну, что не дерзал предвидеть, как смелое изобретение отзовется на жизни людей.

Глава 9 Чего ужасался – постигло меня

1

Хасид Шломо порой задумывался над сущностью такого распространенного явления как предчувствие. Кто знает, может быть, предвидение будущего есть свойство незаурядной проницательности правильно толковать прошлое? Он принимал во внимание известное мнение о том, что вера в предчувствие есть проявление мистического свойства ума. “Предположим, такая точка зрения верна, - рассуждал Шломо, - тогда возникает вопрос: каждый ли ум обладает склонностью к мистике, или сие достоинство (или, быть может, несовершенство) проявляется только у отдельных индивидов?”

“Мы знаем из опыта, - размышлял Шломо, - что существуют горячие сторонники веры в предчувствие. Другие, как известно, делают над собою усилия, порой немалые, чтобы изгнать из сердца интуитивные ожидания бед (или радостей), полагая мистику недостойной рационального ума. Скорее всего, среди людей не найти таких, которые совершенно глухи к невнятному внутреннему голосу, предрекающему будущее. Такой серьезный факт дает основание сначала выдвинуть гипотезу, а, затем произвести её научную проверку – не является ли предчувствие не просто прихотью растревоженной души, но диктуется реальностью жизни”.

Так уж устроен наш герой – он не может не размышлять о вещах фундаментальных, причем сразу о нескольких. Даже в те мятежные годы, когда Шломо, казалось бы, целиком был погружен в изучение проблем необратимости и воздаяния и одновременно обдумывал пути сотворение Гоэля, он, утомившись, переводил дух, направляя усилия своего разума на иные предметы. Разве отдых не есть переключение ума с одной материи на другую? Бездействие – не путь к отдохновению, а характер отдыха – это оттиск характера человека.

Заметим, что сам Шломо, хоть и был закоренелым рационалистом и решительным противником мистики, тем не менее, всерьез относился к предчувствию. Обладая нравом пессимистическим, он неизменно прислушивался к голосу проворной интуиции, особенно, когда та сеяла мрак в душе. Познав на чужих примерах бедственную сторону жизни грешников, которые истинно раскаялись, но не имели надежд освободиться из капкана необратимости, Шломо невольно представлял себя на месте несчастных. В нем зародилось и крепло ощущение катастрофы, надвигающейся на его собственную семью, предчувствие неизбежного грозного часа и вечной разлуки.

Преуспевающий Иов, когда постигли его беды, изрек: “То, чего опасался я, пришло ко мне”. Иными словами, он хоть и слыл человеком благополучным, но дурное предчувствие довлекло над ним. В этом заключалось сходство Шломо с его древним предтечей. Но судьба была благосклоннее к Иову, нежели к нашему хасиду, ибо горе первого оказалось обратимым, а второго душила трагедия необратимости.

2

Для читателей, которым не посчастливилось прочесть историю о том, как Шломо совершил прорыв в науке, обнаружив способность камней к мыслительной деятельности, мы вкратце представим некоторые важные моменты сего открытия. Сделаем это здесь и сейчас, ибо разработанная Шломо теория включала в себя в форме аллегории описание постигшего его и Рут необратимого несчастья. Язык не поворачивался у Шломо называть беду по имени, поэтому и мы не станем действовать вопреки его чувствам. Иносказание – отличное средство выражения реальности.

Пришедшее в дом Шломо и Рут горе оглушило обоих. Рут замкнулась в себе, только плакала, полагала свою жизнь оконченной и все твердила, мол, сердце никак не поймет, невозможно поверить. Согласный с ней Шломо, тем не менее, искал прибежища от гнета безысходности в размышлениях на отвлеченные темы. Так была развита им упомянутая выше идея думающих камней. Далее приведены ее фрагменты, необходимые для настоящего повествования.

Камни обмениваются мыслями, которые посылают друг другу в виде неких сигналов. Камни живут семьями из нескольких поколений. Дети – это малые части большого камня, отколовшиеся от него по каким-либо внешним причинам. В качестве родителя выступает большой камень.

Шломо рассказал раби Якову, Голде и Шмулику печальнейшую историю одной такой каменной семьи.

- Некий камень воспитывал чадо, - сказал Шломо, - и весьма гордился плодами своих умственных трудов. Дитя училось у него. Быстро и успешно. Вместе обсуждали мысли друг друга. Все больше схожими становились думы малого и большого, и последний был счастлив и обожал осколок. И так продолжалось долго, и радость полнила обоих. Можно ли это назвать любовью, Голда?

- Не знаю пока, - со смутной тревогой ответила Голда, - продолжай.

- Увы, расстроилось дело, наступило охлаждение. Родитель и дитя перестали мыслить в унисон. Они по-прежнему находились на своих обычных местах, но понимать друг друга стали плохо, словно отделились в пространстве, или сила мыслей их ослабла. И в один ужасный день чадо прекратило посылать свои и принимать чужие сигналы.

- Умер ребенок! – вскрикнула Голда.

- Камни не умирают, но ребенок был потерян. Родитель терзался, свою вину подозревая. Начал думать, мол, небрежением отвечал мыслям дитяти, не разглядел, что оно на особицу! - с горечью промолвил Шломо.

- Но ведь камни живут вечно, значит, была надежда! – спохватилась Голда.

- Конечно, надежда была! Ведь в мире бессмертия не случается необратимое, как среди нас, смертных! - проговорил Шломо, и лицо его помрачнело, и глаза увлажнились, и голова поникла, и борода легла на грудь.

- Мы знаем о горе твоем и Рут и муках ваших знаем, - осторожно промолвил раби Яков и сжал рукою свою руку Шломо, - скорбим с вами заодно.

- Спасибо, учитель. Да только проку от скорби – ничуть...

- Выпей-ка, затумань душу, - воскликнула Голда и поднесла Шломо большую чарку водки и кус хлеба.

Шломо одним духом опорожнил посудину, откусил от ломтя. Все молчали.

- Голда, - заговорил Шломо, - ты когда-то спрашивала, откуда я добываю мои небылицы, а я пообещал ответить и вот я готов...

- Молчи, Шломо, я все поняла сама: ты фантазер и только.

- Не хочу спорить, Голда. Но я учреждаю мир лучше нашего, в котором меньше зла, а несчастье обратимо. Вот и всё.

- Э-э-э, а я-то думал... - разочарованно протянул Шмулик.

Положение нашего героя в точности походило на обстоятельства Давида, Ахазьи и Яэль. С одной стороны существовал реальный, а, возможно, и мнимый грех, следствием коего стало раскаяние, а с другой – необратимость и убитая надежда на воздаяние за муки угрызений совести.

К тому времени работа над созданием Гоэля была близка к завершению. Шломо терзался горем, средство от которого он изобретал. Он принял решение в самый короткий срок закончить создание Гоэля и с его помощью начать спасать себя, Рут и остальных страдальцев.

Глава 10 Лиха беда – конец

1

Семейная трагедия в доме Шломо и Рут катализировала сотворение Гоэля. Как уже известно читателю, приступая к исполнению взятой на себя миссии, Шломо принял решение опираться на собственные силы, не прибегая к помощи Сатана. На протяжении нескольких лет он возвращал в своей душе спасителя посредством сеансов интенсивного внушения, или, возможно, самовнушения. Усилиями разума и воли хасид вселял в сознание зародившегося нематериального существа цели и задачи последнего. Дело продвигалось вполне успешно, годы напряженного труда приносили плоды. Весьма вероятно, что, внедряя в бестелесного Гоэля идеи, Шломо использовал ранее изученный им опыт камней, умеющих передавать мысли.

Коли уж зашла речь о камнях, то, надо заметить, что краеугольным камнем первого этапа предприятия, то есть этапа творения, являлось отделение Гоэля от души Шломо. Если бы сей факт не случился, и новорожденный, покидая утробу своего создателя, унес бы с собой его душу, то рухнула бы вся затея, и бедная Рут осталась бы вдовой.

Но не зря Шломо крепко верил в безошибочность своих расчетов, и не напрасно он ежедневно и еженощно молил Господа о благорасположении. Хотя и смертельно опасный, но, тем не менее, научный риск оправдал ожидания новатора. То был справедливо заслуженный итог, ибо дар начинателя есть высшая способность человека. Зрелый, готовый к деятельности Гоэль выпорхнул на свободу. Душа Шломо, слава Богу, осталась при нем.

Естественным поползновением Шломо было намерение воспользоваться приоритетом создателя и вместе с Рут стать первыми спасенными от бедствия необратимости. Но для этого Шломо должен был, прежде всего, посвятить жену в свой замысел и его результат, то бишь рассказать о создании Гоэля.

Нелегкий разговор предстоял Шломо. Горький плач об утрате стал для Рут привычным способом существования. В часы труда и во время досуга мысли о несчастье не оставляли ее, она беспощадно корила себя, находила все новые подтверждения своей вины и плакала, плакала, плакала. По существу, Шломо чувствовал так же, как и Рут, и то же, что она, только слезы не стояли в глазах его.

Поначалу жена слушала рассказ мужа рассеянно, полагая, будто тот всего-навсего привычно пытается отвлечь ее и себя от тяжелых дум. Но вскоре она поняла, что Шломо говорит дело, а не фантазирует. Затея показалась Рут опасной: велик риск отдаться на милость некоего сомнительного спасителя. Разве Гоэль доказал свою полезность, а равно и безвредность? Однако у захлебывающегося бедой страх новой потери притуплен, и неодолимо манит соблазн отряхнуться от горя и вернуть сердечный мир.

Рут решительно воспротивилась намерению Шломо настаивать перед Гоэлем на своем приоритете создателя и стать вместе с мужем первыми спасенными, а, по существу, испытуемыми. “Бездольных много, вот, скажем, та же Яэль, - возразила Рут, - пусть-ка твой Гоэль покажет и подтвердит свое искусство сперва на ком-нибудь другом, а там и до нас черед дойдет”. К счастью, Шломо послушался жены. “Женщина, она сердцем видит” - подумал он.

2

Итак, Гоэль покинул душу своего создателя и, выученный им, пустился, если можно так сказать, в свободное плавание. Хотя бесплотная пуповина, соединявшая новорожденного с нутром породителя, более не существовала, тем не менее, Гоэль воспринял мысленное пожелание Шломо начать спасительную деятельность не с его семьи, а с других нуждающихся. Шломо и Рут стали дожидаться желанных вестей.

В соседнем с Божином городе Доброве многие знали Давида, его историю и его беду. Торговцы вразнос, самые надежные доставители правдивых сведений обо всех и обо всем, раньше прочих проводывали новости и первыми делились ими. Пришедши из Доброва в Божин, они раструбили известие о неожиданных отрадных переменах в семье Давида. По обыкновению мрачный и суровый лик домохозяина смягчился, в глазах засветился огонек, улыбка нет-нет да и стала появляться на устах. Он принялся мечтать вслух, как бы поправить дела, вернуть богатство и былой вес среди горожан, и даже собрался стать хасидом, о чем уведомил раби Меира-Ицхака. “Поглядика-ка, милая, какие чудеса с твоим отцом происходят, - говорила Батшева дочери, - ох, не сглазить бы!”

Изумлены были божинские хасиды, столь много наслышанные о Давиде, и только Шломо, да еще и Рут, не удивлялись, ибо догадывались о причине перемен. Радовалось сердце Шломо. “Это мой Гоэль несет избавление Давиду, - думал Шломо. “Ох, не сглазить бы!” - говорила Рут словами Батшевы.

Шломо стал замечать в Ахазье перемены к лучшему. Когда они встречались в синагоге, инвалид после молитвы охотно вступал в разговор с нашим хасидом. Без конца благодарил за чудесный подарок: металлические перья куда как лучше гусиных – и кляксы не садят, и служат долго. Однажды он задорно подмигнул Шломо и пригласил к себе на холостяцкий ужин. Ахазья перестал чураться и других хасидов, не торопился домой как прежде, и, кажется, даже хромал теперь меньше.

Раби Яков спрашивал Шломо, не желает ли Ахазья вступить в хасидское братство? Шломо же, радуясь переменам, но, не открывая цадику их причину, отвечал, мол, не стоит торопить события, пусть-де Ахазья совершенно отряхнется от окаменелого своего бытия. Шломо, как знаток Запада, пояснил учителю, что обращение в хасидское правоверие есть шаг весьма трудный для бывшего просвещенца и хасидоборца.

Рут по-прежнему видалась с Яэль: когда в синагоге, когда в лавке, когда на улице. Болтали о том о сем. В последнее время приятно изменилось настроение у старшей подруги. Яэль охотно сшила одежду себе и своим старикам из подаренной Рут ткани. Супруги навещали дом Яэль, как-то принесли из своего сада ведерко малины. Яэль сварила варенье, а потом впятером пили чай, набирая из блюдецек душистое лакомство.

Мать и отец Яэль не так радовались обновкам и сладостям, как свежему настрою дочки. И Рут, и Шломо торжествовали, догадываясь, откуда ветер дует. Однажды Яэль сообщила подруге по секрету, будто ей стало известно, что нашелся Барак, возлюбленный молодости ее. Он скоро вернется в Божин и женится на ней. “Я его люблю, я все простила!” – вымолвила Яэль, и сладкие рыдания вырвались из болящей души ее. Смутное подозрение шевельнулось в сердце Рут.

“Не пора ли нам призвать Гоэля? – нетерпеливо спросил супругу Шломо, - не пришла ли и наша очередь обрести воздаяние и покончить с необратимостью?” Рут задумалась, опустила долу неизменно красные от слез глаза: “Я не убеждена пока. Еще подождем”.

3

Минуло несколько месяцев. Добровский цадик раби Меир-Ицхак вновь гостил у своего друга раби Якова. Как всегда, на исходе субботы божинские хасиды собрались за столом учителя и слушали, и рассказывали сказки. Первое слово, конечно, было предоставлено гостю. Когда раби Меир-Ицхак окончил одну из своих историй, кто-то из хасидов спросил, как сложилась судьба Давида.

Лицо Меира-Ицхака опечалилось. “Плохо, очень плохо!” – мрачно сказал цадик, - но нельзя держать истину под спудом, дабы не народились лживые слухи!” Он поведал слушателям, что Давид стал разговаривать с давно погибшим Урией. Городской портной рассказал, как Давид явился к нему и попросил выбрать фасон подвенечного платья для дочери, у которой даже жениха-то нет. Кто дела с ним прежде вел, а таких оставалось немного, отступились от него. Давид совершенно обнищал. Его самого, Батшеву и дочь их община взяла на попечение и поместила всех троих в богоугодное заведение для голодающих.

С болью в сердце выслушал Шломо прискорбную историю. “Что происходит? - спросил он себя, - что думать мне теперь? Змея подозрения обвила мою душу и глядит в нее лукавыми глазами!”

Невольно Шломо стал пристальнее следить за Ахазьей. Впечатления от первых отраднейших наблюдений таяли, и их место занимала тревога, а затем и страх. Шломо принял приглашение Ахазьи. На сей раз, на столе стоял не штофик, а большой четырехгранный штоф водки. Хозяин

заметил гостю, что сей напиток оказывает самое благотворное действие на него, и в ходе беседы многократно доказывал свое благорасположение к содержимому сосуда.

Ахазья заявил, что его отец жив, а корабль, им построенный, цел, прочно стоит на якоре в одной из бухт на Днестре. В самом скором времени они вдвоем с отцом отправятся в плавание в дальние страны, закупят заморские пряности и ткани, с прибылью продадут товар и разбогатеют. Ахазья добавил, что нынче он нуждается в деньгах больше, чем прежде, ибо, по непонятной причине, просвещенцы из Европы перестали приезжать к нему и привозить заказы, которыми он кормился.

Говорят, дом сперва постепенно ветшает, а потом гибнет. Прошло еще немного времени, и опустившегося на дно жизни Ахазью стали видеть просящим подаяние у синагоги или у крыльца божинской корчмы. Городской нищий молил о вспомоществовании на чужеземных языках, и хоть никто не понимал темных слов его, все же гроши или куски хлеба летели в лежавшую на земле шапку. В эти дни не было в Божине человека несчастнее Шломо.

Как-то раз, когда Шломо и Рут сидели за ужином, раздался робкий стук в дверь. Шломо открыл. На пороге стояли мать и отец Яээль. До крайности встревоженные их лица выдавали страх. “Не знаете ли, где наша дочь, уж два дня, как пропала из дома, не случилась ли что?” - прозвучали дрожащие голоса. Ни Шломо, ни Рут нечего было ответить бедным старикам. Шломо побледнел, в глазах Рут появились привычные слезы.

“Дочка всё вспоминала Барака, звала его, выходила из дома по ночам, плакала, - дрожащим голосом говорил отец, - зачем-то в остывшей моей кузнице побывала...”

Утром рыбаки вытащили на берег Днестра в сетях своих тело утопленницы. К шее несчастной был привязан железный молот без деревянной рукояти.

“Кажется, я, подобно Франкенштейну, создал чудовище, - услышала Рут хриплый говор Шломо, - это – катастрофа! Как остановить бедствие?”

Глава 11 Наша доля – Божья воля

1

Известия о неординарных и, вместе с тем, зловещих событиях в Божине и окрестных городах достигли высших сфер мироздания. Воинство Небесное, то бишь ангелы всех званий, призваний и прозваний были весьма встревожены и обратили свои взоры к Сатану – первейшему советнику Господа и общепризнанному эксперту по делам земли и землян.

Поскольку неблагоприятные инциденты следовали один за другим, положение дел требовало безотлагательного вмешательства высших сил. Озабоченный Сатан в очередной раз спустился с Небес. Бессчетным было множество визитов двенадцатикрылого ангела на беспокойную землю: порой, для устранения изъянов, то для залечивания ран, иногда для вразумления заблуждающихся, а, случалось, для наказания виноватых или поощрения благонамеренных.

Сатан расположился неподалеку от берега Днестра, укрывшись за стеной больших валунов. Снял со спины и уложил в тень крылья и принял вполне человеческий облик. Возможно, не случайно на месте оказался вездесущий мальчишка, тот самый, которого Шломо когда-то посылал за Шмуликом. Ангел подманил пострела и велел немедленно привести к нему Шломо, пообещав гонцу алтын, которым хасид наградит его за труд.

Хотя посланец не мог толком объяснить Шломо, кто его требует, однако способ оплаты натолкнул хасида на безошибочную догадку – пора держать ответ перед Небом за содеянное. Он твердым шагом ступал вслед за проводником. Шломо решил быть честным до конца, ничего не собирался скрывать, уверяя себя, мол, повинную голову меч не сечет. А надежда на меч всегда хороша.

2

- А вот и Божинский Франкенштейн явился! – вместо приветствия воскликнул Сатан и безапелляционным жестом приказал мальчишке скрыться с глаз.

- Я целиком в твоей справедливой власти, Сатан, я жду праведного суда, - стоическим голосом ответил Шломо.

- В справедливости высшей власти и в праведности суда можешь не сомневаться!

- Я готов отвечать пред Богом, пред тобою, пред своею совестью!

- Высокий слог, однако. Но перейдем к вещам обыденным. Хоть и догадываюсь я, но хочу услышать из собственных уст революционера в человеколюбии, для какой такой цели ты создал Гоэля?

- О, Сатан! Есть на земле бездельные, и есть бездельные вдвойне. Первых много, вторых меньше, но именно о них я пекся и для них искал панацею.

- Кто они, твои протеже?

- То грешники, которые наказаны горем, их постигшим. Они мучимы дважды – страдают от несчастья и терзаются сознанием собственной вины. Я и Рут сами оказались в их числе. Поверь, Сатан: мука нестерпимая.

- Бедствия землян известны на Небесах. Я соболезную тебе, Шломо, и жене твоей.

- Благодарю на добром слове. Много утешителей, да толку-то что? Как говорится, слов мешок, а дела ни на вершок!

- Похоже, мир видится тебе несправедливым?

- Именно. Вдвойне страдающие – это люди, раскаявшиеся в своем грехе совершенно искренно. Среди повинившихся грешников, таких, которые угрызаются совестью – меньшинство, и они хоть и заслуживают новой судьбы, но не надеются на отрадную перемену. Как тяжело жить на дне ущелья со скользкими отвесными стенами, как невыносимо горестно сознавать необратимость!

- Какого рода изменения судьбы ты желаешь людям в твоём положении и себе самому?

- Раскаявшимся и признавшим себя виновниками собственной беды положена награда – начать жить сначала со дня, предшествовавшего греху. Вот справедливое воздаяние за муки, но не дождутся страдальцы блага без помощи Гоэля!

- Отчего же, по-твоему, справедливое воздаяние обходит страждущих стороной?

- Я сделал открытие: воздаяние за добро и за зло – случайно и беспричинно. Не слишком ли много праведников, которым плохо, и грешников, которым хорошо? Надеюсь, ты согласишься со мною, Сатан!

- Соглашаться не потороплюсь. Разве не может прийти удача к тем бедным страдальцам, о коих ты хлопочешь? А если навестит их радость, то ведь это и есть обратимость и воздаяние им, не так ли, Шломо?

- Солнце светит всем, потому и удача может выпасть любому. Однако то мнимая, а вовсе не реальная обратимость. Всего лишь замена, пусть благоприятная. Но ведь душа алкает не замены, а возвращения утраты! А что есть удача, как не случайность? Стало быть, и воздаяние тоже мнимое, ибо оно случайно!

- Твоей Гоэль был призван исправить несовершенство Творения?

- Да. Гоэль задуман был мною, как некая идеальная сущность. Он вселяется в душу человека и возвращает ей мир, уничтожая бедствие необратимости. Так страдалец получает заслуженное воздаяние за муки совести.

- К несчастью, Шломо, твоя затея удалась.

- Теперь-то я понимаю, что стряслась беда. В чем я заблуждался? Как исправить дело? Вразуми и помоги, Сатан!

- Жаль, что раньше ты ко мне не обратился!

- Я думал, я хотел, но...

- Оставим это. Скажу сперва несколько слов о нелюбимой тобою случайности. Смертный наблюдает лишь короткий отрезок бытия, и, не видя бесконечности, ошибочно полагает закономерное случайным. Причину приходится принимать на веру. Разве не твердят ваши мудрецы, что есть вещи, которые недоступны пониманию людей, но их следует признать истинными, ибо они Господом сотворены?

- Есть такое. Но ум человека от природы пытлив, и он прорывается в сферу недоступного, порой успешно. Поэтому, если воздаяние представляется мне случайным, то я смею считать его таковым.

- Оставим это тоже. Ты упрям – похвальная черта характера первопроходца. Теперь о главном. Средством уничтожения необратимости для Гоэля служит возвращение времени назад. И выходит так, что облагодетельствованный Гоэлем человек живет в двух временах одновременно – в прошлом и в настоящем.

- Создавая Гоэля, я принял это во внимание, Сатан.

- Шломо, ты спрашивал, в чем ты заблуждался? Так слушай. Господь сотворил время, текущее только вперед, и недопустимо возвращать его назад. Одновременная жизнь в двух временах неизбежно нарушает сей закон Творения. Душа человека не способна переварить двойную жизнь. Не случайно жертвы Гоэля потеряли рассудок. Должно быть, ты мало думал о последствиях и не предвидел их.

- Великий Сатан, глядя в корень, ты нашел подлинный источник роковой моей ошибки! Воистину,стряслась беда! Боюсь, Гоэль более не в моей власти, а ведь он создан мною вечным! Как мне теперь остановить его?

- Твоя жена, Шломо, умнее тебя. Не остуди Рут вовремя твой пыл, и ты бы был сейчас умалишенным!

- Ты прав, Сатан!

- Твоя вина, Шломо, огромна. Ты посягнул на прерогативу Бога-Творца. Жалея несчастных, не подумал о том, что Господь, сотворяя мир, полагал страдание необходимым и неотъемлемым атрибутом бытия. Хоть и заблуждался ты, но всё же я люблю тебя, Шломо, за прекрасные намерения и острый ум. Уверен, ты осознаешь мудрость Всевышнего. Рифма просится на уста: ты разумом вникнешь поглубже любого – то сделано Им ради блага людского!

- Людское благо – вот что занимает мои мысли в сей момент. Как мне быть с Гоэлем? Я преступник, хуже Франкенштейна!

- Гоэль создан тобою вечным из материала собственной твоей души. Смертный не в силах остановить существование вечноживущего творения. Но я, ангел Господень, наделен необходимой властью. Я уничтожу Гоэля!

- О, благородный Сатан!

- Я спасу человечество от сумасшествия!

- О, благородный Сатан!

- Я ценю твои достоинства, Шломо, и уберегу тебя от гнева Божьего!

- О, благородный Сатан! Однако теперь судьба моя и Рут – до конца дней наших терзаться неизлечимой болью... Пустота впереди...

- Нет и еще раз нет, хасид Шломо! Не будет пуста ваша с женою жизнь: горе – вот что наполнит ее. Не слушайте участливых слов – праздны они, но в несчастье ищите утешение. И другим такая же выйдет доля. Иного не дано, а коли так, примите достойно неизбежное.